OCT 20 1960

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

N. Y. Public Library
Div. S
Grand Central Station
P.O.Box 2331
New York 17, N.Y.

Отыскался след Бенета и Каминского

Вашингтон, 15 октября. — Государственный департамент сообщает: советское министерство иностранных дел уведомило посольство США в Москве о высылке двух американских туристов — Харви Бенета и Марка Каминского.

В сообщении говорится, что американцы содержались под арестом с 25 августа, так как они отклонились «от разрешенного им маршрута и проникли в запрещенную пограничную зону».

То же сообщение утверждает, что у Каминского были конфискованы фильмы и заметки, «свидетельствующие о нарушении им советских законов путем собирания информации военного характера».

В результате Каминский и Бенет были преданы суду и приговорены к высылке. Оба американских туриста были доставлены в Ужгород на совето-чехословацкой границе.

Каминский и Бенет говорят по русски.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th St., New York 19, N. Y. Tel. CO. 5 - 5500

VOL. L. № 17.387. SUNDAY, OCTOBER 16, 1960 ВОСКРЕСЕНЬЕ, 16 ОКТЯБРЯ, 1960 ГОДА ЦЕНА 10 СЕНТОВ

«ШИНЕЛЬ» ГОГОЛЯ В ПОСТАНОВКЕ МАРСЕЛЯ МАРСО

Около двух недель назад закончились нью-йоркские гастроли мима Марселя Марсо и его труппы (в театре Сити Сентер). Сейчас он разъезжает с ней по всем большим городам США. Первая часть программы Марсо состоит из сольных номеров («Опыты в разных стилях» и «Пантомимы Бипа»); вторая — целиком посвящена «мимодраме» «Шинель», основанной на повести Гоголя. «Мимодрамой» Марсо называет свой, особенный род ритмической пантомимы.

Нетрудно представить себе, почему именно гоголевская «Шинель» привлекла к себе Марсо, побудила его переработать ее и включить в свой репертуар. Есть общее в образе бедного чиновника, Акакия Акакиевича, и в «Бипе», том мечтателе и неудачнике, образ которого был создан Марсо еще до его инсценировки «Шинели». Обоих роднит разрыв между мечтой и действительностью, неумение и неспособность к жизненной борьбе, также — творческая, артистическая жилка. Что любил Акакий Акакиевич больше всего на свете, в чем находил он высокую утеху и радость? В переписывании бумаг; он любил выводить красивые буквы, выписывать имена новых и важных лиц. Когда же должен он был заказать себе новую шинель, то мечта о ней заслонила, превысила в его душе даже его любовь к переписке. Но недолговечным было его счастье: шинель украли; сам он, вскоре после того, умер. Однако, прямой причиной его смерти была не столько эта «утрата», как то, что «распекло» его одно «важное лицо».

«Бипу» Марсо тоже ничто в жизни не удается, ибо нет у него для этого необходимой «практичности». Будь он наклейщиком объявлений — он клеит их, как артист, наслаждаясь своей работой, а не как рабочий, которым дорожит хозяин; будь он продавцом в лавке фарфора — никто у него ничего не покупает и, с горя, он начинает бить эту фарфоровую посуду; будь он, наконец, уличным музыкантом — и здесь, стоит ему только увлечься своей игрой, как начинает играть военная музыка и глушить его исполнение; и мало, — о, как мало! — грошей летят к нему из окон соседних домов.

Марсо сильно изменил «Шинель» для своей постановки. Весь фантастический конец повести им вовсе не инсценирован. Конечно, трудно было бы это сделать и небольшой труппой и при полном, почти, отсутствии декораций; но возможность для этого была. Однако, как увидим, Марсо и не хотел этого сделать. Отступает Марсо от оригинала и во многих подробностях. Шинель у него превращается в роскошную меховую шубу; Акакий Акакиевич копит деньги на ее покупку, работая сверхурочные часы; жена портного превращается в его (портного) красивую дочку; в сцену пирушки введены две второстепенных женских роли и т. д. Но все эти изменения не столь важны, ибо Марсо и не хотел слепо следовать оригиналу; а хотел он, пользуясь гоголевским образом и, отчасти, гоголевским сюжетом, создать свое собственное, оригинальное произведение. И — нельзя отказать ему в этом — замысел этот ему удался. Образ Акакия Акакиевича дан с большой силой и выразительностью, хотя и не получается он вполне «гоголевским» и русским.

Главное же отличие мимодрамы Марсо от повести Гоголя заключается, по моему, в следующем. Обличительно - гражданский элемент, столь ярко выявленный Гоголем (в особенности, в конце повести), у Марсо отсутствует, его не интересует. Его «драма об Акакии Акакиевиче» — это драма чисто субъективного лирического характера. Далее: у Гоголя образ бедного чиновника — в конце повести — возвышается до образа общечеловеческого, до образа человека вообще; Гоголь показывает, что существование самых «высокопоставленных» лиц является ничуть не более «высоким» или важным, чем существование невзрачного Акакия Акакиевича, ибо все человеческие жизни — морально-равноценны. В шутливо - фантастических тонах конца повести, вернее, за этой ее облицовкой, скрывается глубокий ее смысл — искупления человека, раскрывается весь дух христианской морали. У Марсо же Акакий Акакиевич — его Акакий Акакиевич — просто жертва неумолимой судьбы. Если хотите, в мимодраме Марсо видно влияние, проявление морали не христианской, а «языческой», точнее, греческой. Ведь у Марсо воры, грабящие Акакия Акакиевича, с этими развевающимися рукавами их плащей, с их незрячими глазами, — это римские (греческие) парки, это — воплощение слепой и безжалостной судьбы. Поэтому французскому артисту и режиссеру, для осуществления своего творческого замысла, и не нужен был гоголевский конец повести; но сколь печальна, почти беспросветна последняя сцена мимодрамы, где Акакий Акакиевич горюет о своей разбитой мечте!

С этими оговорками следует признать, что «Шинель» Марсо — произведение сильное, художественное; исполняется оно, самим Марсо и его труппой, прекрасно, а музыка, специально для этого написанная Эдгаром Бишопом, не только хороша сама по себе, но и сливается, в одно целое с пантомимой, придавая ей большую красоту и выразительность.

Виктор Гавронский